

У судьбы все приходилось братъ самой

Пожалуй, сегодня нет ни одного новосибирского театрала, который бы не знал имени балерины Татьяна Кладничкиной. В 1981 году Кладничкина блестяще выступила на четвертом Международном конкурсе артистов балета в Москве, а до этого в 1978 году на конкурсе в Варне завоевала бронзовую медаль. Получив серебро в Москве, сибирская балерина была обласкана щедрой на похвалы в ее адрес столичной прессой. «Татьяна Кладничкина, — писали тогда, — обладает тем, что издавна называли счастливыми сценическими данными: у нее прелестное живое лицо, гибкая фигура, стройные, изящные ноги. Ее танец подкупает музыкальностью, точностью движений, непосредственностью. В нем очарование женственности и свежесть эмоций. Балерина показала себя на конкурсе актрисой широких творческих возможностей, раскрыла разные стороны своей индивидуальности».



— Татьяна, когда вы впервые ступили на сцену нашего театра, кто передавал вам роли, кто вводил вас во взрослую жизнь?

— Когда я пришла в театр, было очень много ведущих балерин. Очень много. И для того, чтобы стать солисткой, тем более станцевать в премьерном спектакле, приходилось очень много работать. В ту пору в расцвете были Матюхина, Гершунова, Кайдани, Крупенина еще танцевала... Очень сложно было «прорваться». Мне помогли конкурсы. Сначала я съездила в Варну, этот факт мало что в жизни изменил. И только после московского конкурса что-то сдвинулось с мертвой точки. Тогда мой педагог Лидия Ивановна Крупенина репетировала со мной все спектакли, но все равно в театре довольно сложно жилось и работалось. Это сейчас молодых, кто мало-мальски стоит на ногах, на сцену буквально выпихивают. А в наше время выйдешь — и потом твое выступление разбирают по косточкам. Технически ты хоть сверхталант — сразу предъявляля требования по большому счету и к актерскому мастерству.

— А у кого вы все-таки

Она и в жизни органична в каждом своем проявлении. Твердость, даже некоторая жесткость, сочетаются с удивительной женственностью, нежностью, задушевностью, переходы из одного состояния в другое приводят к мысли: силу Татьяна черпает в таланте, который велик и тверд, как алмаз. А во всем остальном она — истинная женщина: нежная, пленительно чистая, с тонкой душевной организацией. Ей совершенно чужды неискренность, фальшь, лицемерие, потому, наверно, «неумение жить» требовало от актрисы сверхъестественной платы за счастье быть первой и лучшей в искусстве.

— Мне сейчас тесновато в рамках классики, — неожиданно говорит балерина. — Я не могу выразить того, что у меня есть внутри. Того, что, кажется мне, есть. Таких спектаклей, к сожалению, нет в репертуаре. Сегодня мне ближе драматические роли. Конечно, «Лебединое озеро», «Жизель» — вечные спектакли, каждый из них особому дорог, их я люблю. Но, к сожалению, нет в репертуаре таких спектаклей, как «Анна Каренина» или «Ромео и Джульетта» в постановке Василева и Касаткиной, — вот где можно было бы выложиться...

— А Жизель! Разве в этой партии мало драматизма?

— Как сказал мне Никита Долгушин: «Ты только в 40 лет поймешь, что такое 16-летняя Жизель» Очень много существует штампов в этом балете.

«учились жизни»! Помогал характер, поддерживал муж. Но все-таки со стороны вам приходили какие-то откровения!

— Жизнь либо дается, либо не дается. И потом мне, конечно, повезло с педагогами, у которых училась жить в балете. А жизнь — она сама учит. Марина Тимофеева Семенова в Большом театре, Виолетта Трофимовна Бовт, прекрасный педагог в классическом балете Наум Натанович Азарин, Асаф Михайлович Мессерер — у всех я занималась в классе. Я очень много ездила в Большой театр перед всеми конкурсами. Когда же с мужем, оперным певцом, уехали в Сараево, и там мне также повезло с педагогами.

— А до Сараева, что вам уже пришлось пережить в жизни, творчестве?

— Понимаете, мне у судьбы всегда все приходится брать самой. Я не хочу жаловаться, что она мне ничего не дает, не хочу прогневать Бога. Но все свои спектакли, которые танцевала, я готовила за пять-семь дней. Я знала, что судьба дает мне единственный шанс. Приходилось все время рисковать и каждым спектаклем доказывать, чего я стою.

Мы его танцуем по-русски, на Западе спектакль по хореографии совсем другой. Я же постаралась в партии Жизели добиться синтеза, потому что это все-таки западный балет. Я постаралась взять оттуда что-то и добавив свое. Образ у меня все время в процессе обновления. Постоянно идет постижение его изнутри. Если есть талант, нужно еще уметь им распорядиться. И должно еще присутствовать «нечто», чего не видно потом на видеозаписях, на пленках. Какая-то особая магия. То, что заставляет людей плакать на «Жизели». Поэтому я стараюсь станцевать так, чтобы у людей что-то шевельнулось в душе.

Н. ИВАНОВА.

● Татьяна Кладничкина.